

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 632-644
DOI: 10.13187/bg.2026.2.632

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Transformation of the Judicial System of the Kazakh Steppe in the Context of the Imperial Policy of the 19th century

Gulfira E. Otepova ^a, Anara E. Karimova ^{a, *}, Guldana B. Zhakibayeva ^b, Gulsim A. Bissenova ^c

^a Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National University of Sports, Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c RSU «National Center for Manuscripts and Rare Books», Republic of Kazakhstan

Abstract

This article analyzes the transformation of the traditional Kazakh customary law (adat), which had existed for centuries, under the influence of the legislative acts of the Russian Empire in the 19th century.

The aim of this article is to identify the mechanisms and key directions of the transformation of the judicial system of the Kazakh steppe in the context of the Russian Empire's imperial policy, and to determine specific features of the Kazakh judicial system at the end of the 19th century. The authors conducted a comparative analysis of the norms of traditional Kazakh customary law and the provisions of Russian imperial legislation introduced by the central authorities into the main areas of public life in steppe society.

The study draws upon the laws of the Russian Empire, archival materials from the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty), which contain detailed records of the norms of Kazakh customary law and the Russian legislation being introduced.

In the course of the study, the authors analysed legislative acts, normative-legal documents (charters and regulations), and administrative records, which enabled them to identify the main distinctions between the norms of traditional Kazakh customary law and the legislation of the Russian Empire. The work resulted in a summary table illustrating the shift from collective to individual liability: all verbal and written complaints were recorded in the minutes of proceedings, and the minutes were entered in a report journal. Judicial decisions were registered in chancelleries and district courts, thereby forming an official archive. A gradual transition took place from the autonomy of clan-based control towards centralised supervision. Through the appeals mechanism, parties dissatisfied with the rulings of the big courts could submit written petitions to the regional authorities, after which the cases were referred to the district courts.

The authors conclude that the transformation of Kazakh law during the period under consideration was a gradual and contradictory process aimed at integrating the steppe territories into the empire-wide legal space without completely abandoning local legal traditions.

Keywords: judicial reforms, Middle Zhuz, Junior Zhuz, adat, charter, Siberian Committee.

1. Введение

Постепенное включение Казахской степи в состав Российской империи в XIX веке сопровождалось глубокой трансформацией традиционных институтов управления и правосудия. Одним из ключевых направлений имперской политики стало реформирование судебной системы, затронувшее как нормативные основания правоприменения, так и социальные механизмы разрешения конфликтов. В этом контексте особое значение приобретает анализ судьбы суда биев – центрального института традиционного казахского общества, функционировавшего на основе адата и шариата,

* Corresponding author

E-mail addresses: ake073@mail.ru (A.E. Karimova), g.oteпова.hist@mail.ru (G.E. Otepova), zhakibayeva.guldana@gmail.com (G.B. Zhakibayeva), bissenova.1966@inbox.ru (G.A. Bissenova)

обеспечивавшего поддержание социальной стабильности в условиях кочевой организации общества.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе трансформации судебной системы Казахской степи как процесса взаимодействия имперского права и традиционных правовых институтов, рассматриваемого не только на нормативном, но и на практическом уровне функционирования правосудия.

После присоединения Младшего и Среднего жузов перед Российской империей стояла важная задача – изменения традиционной казахской системы правосудия на основе введения общероссийской системы судопроизводства. Большая роль в этом принадлежала российским законам, которые создавали юридические основы для успешного проведения административных, экономических, общественно-политических и других реформ в Казахском крае. На основе анализа более 2 тыс. законодательных актов Российской империи, было выявлено, что наибольшее внимание империя обращала на вопросы внедрения российской системы судопроизводства на территории Казахстана. Именно новые законы создавали правовую основу для распространения российской власти и стали определять и регулировать отношения в казахском обществе, и именно от них зависел успех проведения остальных нововведений на новых территориях (Оттепова, 2015а: 121).

В Казахской степи практика применения права использовалась с самого начала присоединения территорий. Тот период сопровождался нарушением казахами условий договора с империей. Документы свидетельствуют о нередких набегах на калмыков и башкир, грабежах торговых караванов и самовольным занятием земель за Иртышом и Тоболом. Для решения возникающих конфликтных ситуаций между жителями разных национальностей в Оренбурге был создан специальный пограничный суд. Позже такие же суды появились на территории Среднего жуза (ПСЗ РИ-1, 1830. Т. 22. № 16482; ПСЗ РИ-1, 1830. Т. 25. № 18700).

В Младшем жузе наряду с пограничными судами были созданы расправы, которые находились в ведении Оренбургского пограничного суда. Расправа вела активную переписку с пограничным судом и получала необходимые распоряжения. В ее функции входило обеспечение правосудия по уголовным делам, борьба с барымтой, препятствование набегам казахов на приграничные территории и предотвращение фактов укрывательства грабителей местными жителями. Работу расправ осуществляли старшины, два заседателя и делопроизводитель из числа татарского населения (ПСЗ РИ-1, 1830. Т. 22. № 16592). На практике расправы были неэффективны ввиду малого количества поступающих в них дел, и в июле 1804 года высшее руководство приняло решение упразднить данный институт: «По штату Оренбургской губернии положенные в число пограничных учреждений пять расправ в киргиз-кайсацкой Меньшой орде, яко не нужные и никогда на самом деле не существовавшие ...» (Крафт, 1898: 39).

В начале XIX века, когда появилась возможность начать изменения политической системы управления казахским обществом, российские власти попытались вновь внедрить имперскую судебную модель. Это связано в первую очередь с отменой ханской власти и введением новой административно-территориальной системы управления на территории Среднего, а позже и Младшего жузов. «Процесс развития правительственной политики России во взаимоотношениях с казахами приводит к тому, что к 20-м годам XIX века внедрение административных порядков Российского государства во внутреннее устройство казахского общества и их законодательное закрепление становятся объективно необходимыми для успешного осуществления целей и задач российского правительства в казахском и в целом азиатском регионах» (Абдрахманова, 1998: 21).

2. Материалы и методы

В настоящем исследовании в целях реконструкции, критического анализа и объективной оценки процессов трансформации традиционной судебно-правовой системы Казахской степи в XIX веке был использован комплекс исторических источников различного происхождения. Ключевую группу источников составляют законодательные акты Российской империи, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ РИ), а также документы, нормативно-правового характера, регламентировавшие управление казахскими жузами, включая уставы 1822 и 1824 гг., положения 1838, 1844, 1867–1868, 1886, 1891 и 1898 гг., опубликованные в различных сборниках.

Особую ценность представляют материалы делопроизводства из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (Ф. 1291, 1264), Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) (Ф. 345) содержащие переписку чиновников, проекты реформ, отчеты и служебные записки, отражающие практику реализации судебной политики на местах. Используемые источники позволяют выявить особенности процессов внедрения нормативных установок с реальными механизмами трансформации традиционной судебно-правовой системы Казахской степи в XIX веке.

Важными источниками являются труды дореволюционных исследователей и чиновников, которые по долгу службы изучали специфику адата и шариата в традиционном казахском обществе и вопросы их адаптации к общеимперским правовым нормам. Ценность их трудов обусловлена также тем, что многие из них сами являлись чиновниками российской администрации и непосредственно

принимали участие в осуществлении многих нововведений на территории края. Историографический обзор данных работ по теме исследования позволил определить основные научные подходы к проблеме и соотнести их с выявленными источниками.

Методология исследования основана на принципах историзма, объективности и системности. Историко-генетический метод позволяет проследить эволюцию судебно-правовой системы от традиционного суда биев к обновленной системе правосудия, основанной на традициях и российском законодательстве. Для сопоставления норм адата и общероссийского законодательства был использован историко-сравнительный метод. Историко-системный метод раскрывает специфику официальной политики в сфере постепенной адаптации казахского общества в правовую систему Российской империи. Также в исследовании приведены элементы дискурсивного подхода, примененные для анализа интерпретаций адата в имперской административной практике.

Применение совокупности указанных методов позволило комплексно исследовать процесс трансформации судебно-правовой системы в Казахской степи, выявить его противоречивый характер и показать взаимодействие традиционного и российского законодательства.

3. Обсуждение

Вопрос о трансформации традиционного казахского права под влиянием Российской империи активно исследуется в историографии постсоветского и западного академического пространства. Научный интерес к этой теме обусловлен как попыткой переосмыслить характер российской колониальной политики в Центральной Азии и Казахстана, так и необходимостью оценить последствия вмешательства имперской администрации в сложившуюся правовую культуру кочевого общества.

В книге С. Зиманова «Казахский суд биев – общекультурологическая ценность» казахское правосудие вошло в историю как «Золотой век», которое трюилось на фундаментальных принципах человечества, таких как знание правовой системы кочевого общества казахов, неподкупность суда и биев, справедливость и гласность, владение судьей ораторским искусством, ориентированность бийского суда на установление гражданского мира. Автор в данном труде использует большое количество архивных материалов, которые доказывают, что все русские чиновники, служившие имперской администрации в XIX и начале XX веков независимо друг от друга, отмечают особое значение и роль биев-судей в Казахской степи (Зиманов, 2009).

Одним из исследователей, системно изучающих правовую историю казахов, является российский ученый Р.Ю. Почекаев. В своей статье «Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX века» (Почекаев, 2025) он дает подробный анализ аспектам деятельности традиционного казахского суда, на основе публикаций, вошедших в «Туркестанский сборник». Автор отмечает появление таких негативных тенденций как взяточничество и подкуп в правовой системе Казахской степи. Также в статье отмечаются и положительные изменения в судебных реформах XIX века. Р.Ю. Почекаев подчеркивает, что российская администрация пыталась улучшить положение казахских женщин. К концу 1860-х годов у них появилось право давать показания и согласие на заключение брака в народных судах, также им разрешалось подавать апелляцию на решение биев в русские суды (Почекаев, 2025: 110).

Исследования профессора С.В. Любичанковского посвящены механизмам управления окраинами Российской империя и особенностям правового статуса нерусских народов, включая казахов. На основе анализа законодательства империи и традиционного суда казахов он приходит к выводу, что обычное право сохранялось как инструмент локального регулирования, а имперское право внедрялось лишь в административной, налоговой и уголовной сферах. Автор отмечает, что традиционное право не просто сохранялось, а использовалось государством; новшества сочетались с элементами интеграции и модернизации. империя стремилась не только к эксплуатации, но и к управляемой трансформации общества.

В статье А.И. Анисимовой «Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и степных областей в конце XIX – начале XX в.» рассмотрены механизмы, проводимые в Степных областях и в Туркестане, которые были направлены на инкорпорацию местного населения в политическую и социально-экономическую структуру империи. Автор указывает, что основной нормативно-правовой базой для внедрения новой судебной системы были «Временное положение об управлении в Уральской, Тугайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» (1868 г.) и «Положение об управлении Туркестанского края» принятое в 1886 г. (Анисимова, 2018).

Работы А.Ю. Быкова, изучавшего политику Российской империи в отношении Степных областей в период с XVIII до начала XX века. Они свидетельствуют, что правовая трансформация носила системный характер и была неотъемлемой частью административно-экономического освоения окраин. В частности, он указывает, что еще с 1822 года, с принятием устава «О сибирских киргизах», Российская империя последовательно проводила курс на подчинение местных норм общерусской правовой системе (Быков, 2005). С его точки зрения, Россия действовала в логике колониального государства, стремясь к правовой унификации для полного контроля над населением.

Труды В.В. Трепавлова представляют значительную ценность для исследования права казахов прежде всего в контексте анализа кочевых политико-правовых систем и имперской политики. Автор рассматривал адат и суд биев как элементы сложной социальной организации. Поэтому он и трансформацию правовой системы казахов предлагал рассматривать как результат постепенной интеграции ее в имперскую систему управления.

В коллективной монографии «Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи» (П. Сартори, П. Шаблей), авторы рассматривают процесс кодификации обычного права казахов после присоединения Казахских земель к Российской империи. Как отмечают авторы, данный процесс проходил в несколько этапов и носил противоречивый характер. В работе проведен анализ специфических правовых вопросов, соотношение в местном праве норм адата и шариата, затронуты вопросы культурных и административных изменений, причем география исследования не ограничена только одним регионом, в комплексе изучены аспекты правовой системы в Оренбурге, Омске и в Сырдарьинском фронтире (Сартори, Шаблей, 2019).

Среди казахстанских ученых, которые занимались изучением данной проблемы стоит отметить Ж.С. Мажитову. В статье «Институт биев в казахском обществе в первое десятилетие советской власти» (Мажитова, 2016) автор указывает, что Российская империя в XIX веке проводила комплекс административно-правовых нововведений, которые должны были максимально адаптировать традиционное казахское общество к общеимперской системе. В итоге были сформированы две правовые системы – общеимперская и традиционная. Однако, как отмечает исследователь, российское правительство с осторожностью проводило мероприятия по изменению казахского края, и старалась избегать коренной ломки уже устоявшихся традиционных институтов. Таким образом, введение правовых реформ внесло определенные изменения в институт биев, однако сам институт продолжил функционировать до начала XX в.

В трудах исследователя Г.К. Ерменбаевой указывается, что процессы правовой трансформации были неоднозначны. Автор обращает внимание на то, что реформы 1867–1868 гг., при всей своей направленности на упразднение традиционных институтов, все же сохраняли суд биев в качестве одного из элементов системы, пусть и подчиненного. Это, по ее мнению, говорит о том, что официальная власть не всегда стремилась к полной ликвидации традиций, а скорее к их институциональному переформатированию (Ermenbaeva et al., 2017).

Отдельное направление в казахстанской историографии занимает изучение реакций и адаптаций со стороны местного населения. В работах Б.К. Смагулова и Н.А. Алимбая подчеркивается, что несмотря на попытки централизации власти, в ряде регионов сохранялась практика неформального использования адата, а институт биев трансформировался в форму «посреднического правосудия» между населением и колониальной администрацией (Смагулов, Алимбай, 2020).

Интересный подход к проблеме трансформации понятий и правового пространства предлагает историк Г.Б. Избасарова. В своих исследованиях она анализирует, как изменение административных границ, наложенных империей, трансформировало не только территориальную, но и правовую картину мира казахов. Понятие «границы» приобрело новый смысл, встраиваясь в колониальную картографию, что неизбежно повлияло на восприятие легитимности и власти в правовом сознании населения (Избасарова, 2016).

Таким образом, в современной историографии намечилось несколько направлений интерпретации трансформации казахского права: с одной стороны, доминирует подход, рассматривающий этот процесс как акт правовой колонизации, сопровождаемый насильственным внедрением чуждой правовой системы; с другой - появляются исследования, акцентирующие внимание на сложности процессов адаптации, компромиссов и гибридных форм взаимодействия между традиционными институтами и колониальной властью, а также мнение, что правовые нововведения помогали империи управлять казахским обществом. Это многообразие трактовок подчеркивает необходимость дальнейших исследований, учитывающих локальные контексты и политическую мотивацию имперской администрации.

4. Результаты

До введения реформ М. Сперанского губернская администрация проанализировала опыт внедрения судебных реформ в Среднем жузе, который нашел отражение в отчете генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа. В архивном документе подробно описывается устройство судопроизводства у казахов, проживающих на Сибирской линии (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 10), уточняется, что под руководством генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа была создана временная комиссия. Комиссии было поручено разбирать все претензии и жалобы казахов друг на друга и на русских Военного ведомства. Комиссия служила своего рода пограничным судом, в котором рассматривались частные дела, а также она обладала и полицейскими функциями. Все словесные и письменные жалобы записывались в протокол, а протоколы фиксировались в докладном журнале. Данная практика способствовала постепенному переходу в судебной системе от устного знания к письменной фиксации. Однако, на деле судебные дела казахов в большинстве случаев разбирались султанами, старшинами и чаще всего биями на основе адата, без участия данной временной комиссии.

В 1821 году по инициативе М. Сперанского был создан Первый Сибирский комитет, на который были возложены задачи по рассмотрению и решению проблемных вопросов устройства Сибири, а также он являлся координационным центром, где обрабатывались и хранились законодательные акты, отчеты и прочая документация края (Kussainov et al., 2025)

Комитет рассматривал не только вопросы управления, хозяйственного освоения, торговли и промышленного развития региона, но и судебные вопросы. Результатом работы данного органа в контексте кодификации адата в казахской степи сложилась ситуация правовой неоднородности. Традиционные нормы продолжали применяться, однако их сфера действия сужалась, а решения все чаще оказывались зависимыми от имперских процедур и инстанций. Это создавало такую правовую среду, в которой сосуществовали различные представления о праве, справедливости решения дел и ответственности (Kussainov et al., 2025).

Через год после создания Сибирского комитета в 1822 году был введен устав «О сибирских киргизах», который устранял прежние устройства, и существенно изменял административно-территориальное управление Средним жузом. Устав внес значительные изменения и в судебную систему, главная задача в данном вопросе заключалась в том, чтобы распространить на эти территории общероссийские законы. Вопросам судопроизводства посвящена 5 глава устава: «Наказ судебный», состоящая из 3 отделений: 1 отделение «Дела уголовные», 2 отделение «Дела исковые», 3 отделение «Дела по жалобам на низшие управления высшим». Статьи 205-227 Устава о сибирских киргизах свидетельствуют о том, что уголовные дела рассматривались окружными судами, в то время как исковые дела решались биями в устном порядке. Если кто-то был не согласен с решением суда биев, то дело передавалось в виде письменной просьбы областному начальству. Тем самым происходил переход от автономии родового контроля к централизованному надзору, т. е. с помощью апелляции, судебные дела могли направляться в окружные суды (Отепова, 2015а: 60-61).

Территория Младшего жуза, согласно утвержденному решению Комитета азиатских дел от 3 января 1824 г. (более известный как устав «Об оренбургских киргизах»), находилась в ведении пограничного управления, которое подразделялось на три отделения (Отепова, 2015а: 67-70). Реформы, проведенные в Младшем и Среднем жузе, привели к значительным изменениям не только в административно-территориальном управлении, но и в судебной системе казахского общества. Несмотря на попытку унифицировать правосудие на территории Казахской степи через введение новых институтов власти, традиционные суды казахов еще длительное время продолжали существовать (Umarov et al., 2022).

В связи с проведением в жизнь реформ 1822–1824 гг. среди казахского населения росло недовольство, которое вылилось в ряд национально-освободительных движений. Постоянные столкновения между местным населением и казаками вынуждали русских чиновников на местах обращаться к правительству с предложениями о наведении порядка в Казахской степи. По этой причине была усилена судебная ответственность местного населения за различные преступления, повсеместно стали вводиться военные суды, действовавшие на основании общеимперских законов. Законодательно было решено, что все различные иски и притязания прилинейных жителей и казахов Младшего жуза будут подвергаться наказанию одной только Оренбургской пограничной комиссии (Отепова, 2015а).

Также стоит заметить, что вышеупомянутые законодательные акты не учитывали местную специфику, и тем самым вносили путаницу и противоречия в решении судебных дел. В связи с таким положением генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич обращается с инициативным предложением к правительству об упразднении Омской области и образовании нового управления сибирскими киргизами (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 167. Л. 21-45). Это привело в 1838 году к принятию положения «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» (ПСЗ РИ-2, 1839. Т. 13. № 11122) согласно которому, в Омске было учреждено пограничное управление. Оно состояло из трех отделов: исполнительного, хозяйственного и судного. Судебный отдел рассматривал гражданские дела, если сумма иска превышала 2 тыс. рублей, а также должностные преступления чиновников и уголовные преступления. Споры, возникавшие между казаками, рассматривались народным судом, а гражданские иски – по государственными постановлениями.

С целью адаптировать и более глубже понять казахские законы и обычаи, было дано особое предписание для Главного управления Западной Сибири, в котором содержалось поручение о необходимости в кратчайшие сроки собрать сведения обо всех нормах казахского обычного права и традициях. По данному вопросу Председатель Сибирского комитета А. Голицын писал генерал-губернатору Западной Сибири: «Я просил ваше сиятельство сделать зависящее распоряжение, дабы законы и обычаи инородцев Западной Сибири, на коих в определенных случаях, не простирается действие общих законов, были безотлагательно рассмотрены советом Главного управления и внесены на окончательное соображение Сибирского комитета» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 9).

Постепенное введение новой системы судопроизводства позволяло Российской империи осуществлять на территории Казахской степи административные и судебные функции, усиливая при этом ответственность казахов за преступления. Для этого вносятся изменения в систему карательных мер. В частности, до этого в Казахской степи отсутствовали тюрьмы и, в целом, практика лишения

свободы не применялась. Так согласно закону 1838 года «О невозвращении в орду киргиз, отсылаемых за преступления в арестантские роты» после отбывания наказания казахи не возвращались в родные края, а отправлялись либо в армию, либо расселялись в Иркутской губернии (ПСЗ РИ-2, 1838. Т. 13. № 11268). Спустя 10 лет, 31 мая 1848 г. пункт об отдаче казахов в солдаты был исключен, а в 1891 году была отменена ссылка в Иркутскую губернию (ПСЗ РИ-2, 1849. Т. 23. № 22317; ПСЗ РИ-3, 1892. Т. 11. № 7574).

В 1844 году утверждается нормативный акт «Об управлении оренбургскими киргизами» согласно которому, были созданы 3 вида суда – военный, общий и народный. Военный суд рассматривал также уголовные дела, барымту и измену со стороны казахов; общему суду подлежали дела, связанные с кражей на сумму свыше 20 руб., гражданские дела и др., народный суд решал все остальные иски. Изменения также коснулись и мер наказания, которые включали избивание розгами, выполнение общественных работ, отдача в армию и ссылка (ПСЗ РИ-2, 1844. Т. 19. № 17998).

По сравнению с документом 1824 г., этот законодательный акт носил более завершённый характер, сформировав гибридный режим, в котором суд биев продолжал действовать, но претерпевал значительные изменения. Также для усиления своего влияния на местное население в Младшем жузе был введен институт попечительства. Его задача заключалась в стабилизации обстановки в степи, урегулировании конфликтов между местным населением и казаками, и наблюдении за правильным ходом судебных дел в регионе. Это в свою очередь усиливало русское вмешательство в местные дела управления. Как отмечал историк А.Ж. Касымбаев: «Положение 1844 г. было призвано свести на нет основы степных законов и узаконить, начинавшие складываться, административно-судебные реалии в регионе» (Касымбаев, 2003: 24).

Однако, в связи с удаленностью степных регионов от административных центров, такие как Оренбург и Омск, местное население для решения судебных дел предпочитало обращаться к суду биев. Чиновник российской администрации И. Крафт писал об этом: «Трудно себе представить, как могли разбираться киргизы в Оренбурге по всем искам на сумму свыше 50 руб., когда для этого пришлось бы приезжать сторонам за сотни и даже тысячи верст? Нужно было бы создать органы судебной власти внутри степи и тогда, может быть, народный суд постепенно уступил свое место суду более совершенному, в особенности при наличии полного свода киргизских обычаев. Ничего подобного сделано не было и огромное большинство дел, возникших между киргизами, осталось по-прежнему в ведении народного суда и султанов-правителей» (Крафт, 1898: 46-47). Следовательно, вопрос территориальной удаленности от административных центров имел важное значение, и стал одним из основных факторов почему традиционные суды пользовались широкой поддержкой среди местного населения.

После присоединения Младшего и Среднего жузов русские войска постепенно продвигались на территорию Старшего жуза. Южные регионы казахской степи были богаты природными ресурсами, здесь располагались ведущие торговые центры, а также районы с развитым земледелием. Российская империя закрепила свое влияние в этом регионе в середине XIX века, создав Семиреченскую и Сырдарьинскую военные линии (Zhakibayeva et al., 2022: 1149).

Впоследствии одной из главных задач, которая стояла перед имперским правительством было не просто номинальное нахождение на территории Старшего жуза, а укрепление своего влияния в данном регионе. В связи с этим был проведен ряд реформ в 1867–1868 гг. для выстраивания единой системы управления. Параллельно на первый план выдвигалась задача усиления ответственности местного населения Старшего жуза за важные преступления. Так 3 декабря 1852 г. было решено создать военный суд, рассматривавший убийство, грабеж и барымту среди казахов (ПСЗ РИ-2, 1853. Т. 27. № 26831). Решения по исковым делам были дополнены арестами от 7-30 дней и телесными наказаниями. Вместе с тем был ограничен круг лиц, которые имели право быть биями, помимо этого исполнение судебных обязанностей биями не сопровождалось материальным вознаграждением. Бий не получал жалованья, а любая форма дара или платы расценивалась как проявление пристрастия и служила основанием для немедленного отстранения и лишения судебных прав (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 93-94). Путем ограничения прав, утверждением кандидатур биев правительство пыталось ограничивать и оказывать влияние на традиционное правосудие казахов.

В связи с увеличением масштабов угона скота не только среди местного населения, но и жителей приграничных линий, а также казачьего населения, власти стали жёстко преследовать барымту (принудительный захват чужого скота). Чтобы сократить масштабы хищений, 19 марта 1854 года было утверждено положение Сибирского комитета под названием «О мерах по прекращению конокрадства в Западной Сибири» (ПСЗ РИ-2, 1854. Т. 29. № 28054). Согласно предписаниям документа казахов, кочевавших вблизи поселений, выдворяли обратно в степь, а тех, кого уличали в краже или перепродаже угнанных лошадей, отправляли на военную службу. Казаков, которые были замешаны в укрывательстве преступников или помогали сбыватьворованный скот, судили военным судом и подвергали наказанию шпицрутенами.

Для борьбы с барымтой в составе Сибирского казачьего войска имелось восемь особых следственных приставов, занимавшихся исключительно делами о конокрадстве. Помимо прочего, чиновникам строго предписывалось при любом сообщении о пропаже лошадей незамедлительно

начинать розыск по горячим следам. Окружные и губернские суды обязали рассматривать подобные дела вне очереди, без каких-либо проволочек. Тем, кто помогал арестовывать конокрадов, выплачивали денежное вознаграждение в виде трех рублей серебром. Таким образом, имперская власть пыталась защитить хозяйство казачества и крестьян, а также ослабить и изменить систему правосудия традиционного кочевого общества. Ведь барымта в казахском обществе представляла собой санкционированный обычным правом силовой, но легитимный способ возмещения ущерба и восстановления справедливости в казахском обществе.

Значительные изменения в судебной системе Среднего жуза происходят в 1854 году после создания Семипалатинской области и принятия соответствующего положения «Об управлении Семипалатинской области» (ПСЗ РИ-2, 1854. Т. 29. № 28255). Крупные гражданские дела на сумму выше 600 руб. серебром, уголовные дела и нарушения имперских чиновников разбирало областное управление. При этом во внешних и во внутренних округах создавались окружные приказы, которые имели право также рассматривать уголовные и гражданские дела. Споры, возникавшие между местным населением, также разбирались судом биев, а не согласные с решением народного суда имели право обратиться с претензией в окружной приказ. Дело возобновлялось и назначалось три почетных бия, которые повторно его пересматривали. Также расширился и перечень преступлений от 19 мая 1854 г. «Относительно распространения на сибирских киргизов общих законов империи» (ПСЗ РИ-2, 1854. Т. 29. № 28264).

Анализ нормативно-правовых актов показывает, что судебный порядок различался во всех трех жузах, и имел сложную и неординарную структуру. В связи с таким положением Ф. Лобысевич писал: «Судебная часть у киргиз чрезвычайно сложна. Они судятся судом военным, судом на основании общих законов империи и судом народным (преимущественно по взаимным искам и тяжбам на всякую сумму)» (Лобысевич, 1891: 25). Так в Туркестанской области в 1865 году за конокрадство, грабёж и убийство судили военно-судные комиссии, которые опирались на полевой уголовный устав. Суд биев также решал гражданские дела, но собирался по решению русских чиновников (ПСЗ РИ-2, 1866. Т. 40. № 42372). Такая неоднородность формируемой системы судопроизводства в Казахской степи породила противостояние двух судебных систем – имперской и народной.

В Туркестанском генерал-губернаторстве в 1867 году судебные дела решались на основе военных законов (государственная измена, убийство христианского населения и чиновников, нападение на почтовые службы, барымта); общих законов империи (поджоги, нападение на караваны, разбой, хищение казенной собственности и др.), и в соответствии с нормами адата (дела на сумму, не превышающую 100 руб. (5 лошадей, 50 баранов). Если сумма была больше, тогда создавались волостные собрания биев. Народные суды состояли из 4–8 биев в каждой волости, избираемых населением и утверждаемых военным губернатором (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 962. Л. 4). Казахи, при взаимном согласии, имели право обратиться с просьбой о рассмотрении их дела имперскими судебными учреждениями. Кроме того, судебными функциями на территории края обладал и административный аппарат управления. Такая сложная судебная система приводила к разветвленной многоуровневой системе правосудия.

Военные суды в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях были созданы согласно Временному положению 1868 г. (Отепова, 2015b: 131-144). Военный суд в этих областях в отличие от областей Туркестанского генерал-губернаторства функционировал на основании общих законов Российской империи. Однако, прослеживается сходство в рассмотрении данным судом уголовных дел, такие как убийство государственных служащих, предательство и неповиновение имперской власти, посягательства на казенный транспорт и почту. Все эти реформы указывают на то, что система судопроизводства в Казахской степи претерпела большие изменения, и постепенно была подчинена имперским законам и порядкам. Официальная политика правительства Российской империи была направлена на дальнейшее разрушение и ликвидацию традиционного суда биев расширяя перечень уголовных преступлений и наказаний, таких как арест, телесные наказания, принудительные работы и т.д.

Однако, стоит отметить, что нововведения не смогли усовершенствовать судебную систему в Казахской степи до общеимперского уровня, так как в них не учитывались особенности традиционного уклада жизни казахского общества. Многие новые узаконения встречали непонимание и, как следствие, решительное сопротивление со стороны местного населения. В результате правительство для наведения порядка было вынуждено принимать новые многочисленные законы, которые корректировали, дополняли или даже отменяли предыдущие нормы. «Неравноправность заключалась и в том, что на него, как на отсталую колониальную окраину, не было распространено действие многих буржуазных реформ, которые были проведены в метрополии, т.е. даже относительно малые свободы, которые провозглашались ими, были признаны неприменимыми к Казахстану. Казахстан, как внутренняя колония Российской империи, исходя из положений реформ 1867–1868 гг. не мог обладать и не обладал независимой законодательной властью» (Жиренчин, 1996: 106).

В 1886 г. в Туркестанском крае произошли вновь изменения в судебной власти, появились мировые и областные суды (ст. 117-254) (ПСЗ РИ-3, 1886. Т. 6. № 3814). Областные суды

рассматривали дела на сумму выше 2 тыс. руб., тогда как мировые суды функционировали в уездах и изучали жалобы по личным обязательствам и договорам. На основе заявления истца мировой суд мог рассмотреть дело, которое находилось в ведении суда биев. В целях поддержания общественного порядка стали назначаться становые приставы, полицмейстеры и полицейские приставы. Ведению суда биев подлежали все дела, совершенные местным населением (Абиль, 2000: 168).

В то же время имперская власть пыталась отделить административные и судебные полномочия в генерал-губернаторствах, так как генерал-губернатор концентрировал в своих руках всю полноту власти. Ему предоставлялось право принимать единоличные решения по всем видам преступлений. В частности, в инструкции, данной генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову, было записано: «В видах совершенного искоренения неблагонамеренных и своевольных действий киргизов, я признал необходимым предоставить вам ... особые права, с целью сохранения во вверенном вам крае общественной безопасности и предупреждения совершения преступлений особой важности. На сим основании уполномачиваю вас: киргизам, коим неблагонамеренные действия не могут быть юридически доказаны, не подвергая суду, определить взыскания и рассылать их в отдаленные места Сибири административным порядком; тех же киргиз, которые будут уличены в таковом неповиновении и измене и взяты с оружием в сражениях против наших войск предавать военному суду по полевым уголовным законам, на основании которых утверждать окончательные судебные приговоры, и приводить оные немедленно к исполнению» (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 962. Л. 2).

Согласно принятому Степному положению в 1891 году, с целью создания единой модели судебной власти в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областях (ПСЗ РИ-3, 1891. Т. 11. № 7574) были введены областные и мировые судьи, которые ранее были организованы в Туркестанском крае (ст. 101-118). Они утверждались Министерством юстиции по согласованию со степным генерал-губернатором. Нововведением было создание окружного суда, который рассматривал уголовные дела с участием присяжных заседателей (Абиль, 2000: 169).

Стремление Российской империи к унификации правового пространства в степных и среднеазиатских регионах обусловило разработку Министерством юстиции проекта новой судебной реформы для Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. Данный проект, представленный на высочайшее утверждение, был реализован в форме «Временных правил» в 1898 г., распространявших действие судебных уставов, восходящих к реформам Александр II, на обширный круг областей региона. Таким образом, был утвержден временный судебный порядок в Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях (ПСЗ РИ-3, 1898. Т. 18. № 15493). Согласно данному документу, судебная власть была разделена между мировыми судьями, судебными следователями, судами соответствующего округа, судебными палатами и сенатом по судебной части. Данные правила усиливали ответственность местного населения по общим законам России. Если казахи проживали на территории русских поселений, то гражданские дела запрещалось рассматривать судом биев. Тем самым, полномочия народных судов были сокращены, а выборы самих биев находились под контролем властей.

В ноябре 1898 года законодательно было разрешено Туркестанскому генерал-губернатору право сменять народных судей, при этом глава военной администрации имел право временно отстранить бия от должности до решения судебного вопроса (ПСЗ РИ-3, 1898. Т. 18. № 16085). Однако, отказаться полностью от традиционного суда биев российские власти не смогли. «Осторожность и нерешительность центральной власти в замене суда биев общеимперским судом были обусловлены тем, что суд биев продолжал иметь обоснование в конкретно-исторических условиях казахского общества, в то же время он не мог полностью соответствовать колониальной политике царизма» (Культелеев, 1955: 73).

Во второй половине XIX века переход к письменному судопроизводству стал одним из ключевых механизмов трансформации традиционной судебной системы. В рамках этого процесса возникают «ереже» – нормы права, представляющие собой результат взаимодействия адата, шариата и имперского права. Одно их самых известных положений является «Чарское ереже», разработанное в 1885 году на съезде биев, председателем которого был Абай Кунанбаев (Абайдельдинов, 1999: 183).

Таким образом, имперская власть до конца XIX века не смогла полностью искоренить традиционную систему судопроизводства, она стремилась трансформировать ее под влиянием российского законодательства, подчинить своим интересам и задачам.

В ходе анализа законодательства Российской империи и казахского обычного права авторами была составлена сводная таблица (Таблица 1), в которой отражены различия в понимании ответственности, судебной процедуры и механизмов контроля, рассмотренные в изученных документах.

Таким образом, в целом к концу XIX – началу XX вв. судопроизводство в Казахской степи было подчинено общероссийскому законодательству, которое соответствовало его политической надстройке и было направлено на закрепление власти и полное включение данных территорий в общее управление империи.

Таблица 1. Анализ законодательства Российской империи и казахского обычного права

№	Согласно нормам казахского права	Согласно общероссийскому законодательству
Переход от коллективной ответственности к индивидуальной		
1	Санкции (штрафы) распределялись между всеми членами рода или волости	Взыскивается исключительно с личного имущества или за счёт труда самого преступника
2	При невыплате штрафа волость отвечала за должника, вплоть до коллективного наказания	Коллективное поручительство отменено. Обвиняемый несёт все последствия
3	Социальное давление строилось на страхе потери поддержки общины	Социальные санкции сохраняются, но юридическая ответственность персонифицирована
Переход от устного знания к письменной фиксации		
4	Подача иска, присяга свидетелей и вынесение приговора осуществлялись устно, без документов	Вводятся «жалованные грамоты» для исков, письменные протоколы судебных заседаний
5	Все решения хранились в коллективной памяти старшин и биев	Решения регистрируются в канцеляриях и окружных судах, образуя официальный архив
6	Отсутствие пошлин и формальных процедур – свобода доступа к суду	Установлены пошлины в виде скота или рублей для покрытия расходов на суд
Переход от автономии родового контроля к централизованному надзору		
7	Высшая инстанция – сход старшин аула, решения принимались на курултае	Апелляции могут направляться в окружные суды и при губернаторских канцеляриях
8	Бии и старшины полностью автономны в вынесении и исполнении приговоров	Бии сохраняли свою роль, но решения могли быть пересмотрены властями
9	Власть сосредоточена в локальных родовых органах	Формируется вертикаль управления: суды биев – окружные суды – канцелярии

Несмотря на все попытки правительства полностью отказаться от народного суда, оно вынуждено было сохранить его до конца существования монархии, так как не находило возможности регулировать правовые вопросы среди местного населения на обширной территории общими законами. Но функции народных судов биев были сведены до минимума, они касались только дел, связанных с традиционным укладом жизни казахского общества.

5. Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что включение Казахской степи в административно-правовое пространство Российской империи сопровождалось последовательной трансформацией суда биев, затронувшей его организационные основы, компетенцию и характер функционирования. Традиционные нормы продолжали применяться, особенно на уровне повседневных, личных, семейных отношений, однако их сфера действия постепенно сужалась, а юридическая значимость снижалась. Суд биев сохранялся формально, его решения все чаще оказывались зависимыми от административного надзора и процедур пересмотра. Это подрывало прежний авторитет традиционных институтов и способствовало росту правовой неопределенности. В целом это все привело к формированию правовой множественности.

Одновременно следует отметить адаптивный характер реакции казахского общества на происходящие изменения. В ряде случаев традиционные правовые практики трансформировались, приспособившись к новым экономическим условиям, а бии выступали посредниками между населением и имперской администрацией. Такая форма взаимодействия позволяла частично сохранять элементы адата, хотя и в измененном, институционально ограниченном виде. Если раньше в казахском обществе традиционно статус бия основывался на признании внутри общества (авторитет, знание обычного права, ораторское искусство), то в условиях имперской интеграции статус биев меняется. Постепенно вводятся элементы выборности (часто под контролем администрации); выборные бии часто зависели от решений и мнений местной администрации. С укреплением позиций империи на вновь присоединенных территориях, усиливается роль волостных управителей в судебной системе.

В ходе анализа законодательных актов Российской империи можно сделать вывод, что постепенно происходило перераспределение судебных полномочий: наиболее значимые уголовные дела были переданы в имперские суды; решения биев ограничиваются преимущественно гражданско-правовыми и мелкими уголовными делами, усиливается контроль за пересмотром их решений. Функции суда биев к концу XIX века были сведены до минимума. Он превратился в низший уровень судебной системы, лишенный полноты юрисдикции. В новых исторических условиях усиливаются репрессивные наказания суда биев, снижается его примирительная функция, происходит его отчуждение от общинных механизмов согласования решений.

Таким образом, трансформация традиционного казахского права в XIX века представляет собой противоречивый процесс, сочетающий элементы адаптации и ограничения. Имперская правовая политика способствовала созданию более формализованной системы управления, одновременно ослабляя внутренние механизмы традиционного правопорядка.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках реализации фундаментального научного исследования АР23487874 «Деятельность Сибирского комитета по формированию и реализации официальной политики Российской империи на территории Северо-Восточного Казахстана: анализ источников и контекст», при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абайдельдинов, 1999** – Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 года. Алматы: Ин-т Данекер, 1999. 295 с.
- Абдрахманова, 1998** – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Елорда, 1998. 137 с.
- Абиль, 2000** – Абиль Е. История государства и права Республики Казахстан с древнейших времен до начала XX века: курс лекций. Астана: Фолиант, 2000. 188 с.
- Анисимова, 2018** – Анисимова А.И. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и степных областей в конце XIX - начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*, 2018. № 428. С. 44-53.
- Быков, 2005** – Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества: 1731–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. 484 с.
- Жиренчин, 1996** – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX в. Алматы: Жеті Жарғы, 1996. 352 с.
- Зиманов, 2009** – Зиманов С. Казахский суд биев – общекультурологическая ценность. Алматы, 2009. 408 с.
- Избасарова, 2016** – Избасарова Г.Б. Кочевая ментальная карта пространства. Трансформация понятия границы в представлениях казахов в XIX в. // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*. 2016. № 6. С. 98-107.
- Касымбаев, 2003** – Касымбаев А.Ж. Административно-политические и законодательные нововведения России в Младшем жузе 20-40 гг. XIX века и их колониальная сущность: автореф. канд. ист. наук. Алматы, 2003. 28 с.
- Крафт, 1898** – Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург: Типолитография П.Н. Журинова, 1898. 214 с.
- Культелеев, 1955** – Культелеев Т.М. Уголовное обычное право (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). Алма-Ата: АН КазССР, 1955. 302 с.
- Лобысевич, 1891** – Лобысевич Ф.И. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М.: Типография И.Н. Кушнерев и К., 1891. 41 с.
- Мажитова, 2016** – Мажитова Ж.С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.): дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. 553 с.
- Отепова, 2015a** – Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX век): сборник документов. Ч. 1. (1800–1859 гг.). Павлодар: ПГПИ, 2015. 343 с.
- Отепова, 2015b** – Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX в.): сборник документов. Ч. 3. (1886–1899 гг.). Павлодар: ПГПИ, 2015. 284 с.
- Почекаев, 2025** – Почекаев Р.Ю. Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки*. 2025. Т. 29. № 1. С. 103-116.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.

[Сартори, Шаблей, 2019](#) – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, Серия «Historia Rossica». 2019. 280 с.

[Смагулов, Алимбай, 2020](#) – *Смагулов Б.К., Алимбай Н.А.* Адаптация традиционного права казахов в условиях колониальной администрации (по материалам Оренбургского ведомства). Алматы, 2020. 193 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Ermenbaeva et al., 2017](#) – *Ermenbaeva G.K., Balgabayeva G.Z., Isenov O.I., Nauryzbayeva E.K.* Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department) // *Bylye Gody*. 2017. 44(2): 460-467.

[Kussainov et al., 2025](#) – *Kussainov D.Zh., Kaskabassova A.A., Zhakibayeva G.B.* An Archival-Historical Analysis of the Siberian Committee's Documents on the Implementation of Administrative-Territorial Reforms in Kazakh Steppe during the 19th century // *Bylye Gody*, 2025. 20(4): 1778-1790.

[Umarov et al., 2022](#) – *Umarov A.A., Abdrakhmanov B.N., Karimova A.E., Otepova G.E.* The Situation of the Kazakhs after the Entry of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1093-1101.

[Zhakibayeva et al., 2022](#) – *Zhakibayeva G.B., Otepova G.E., Kontev A.V., Sadykova A.M.* Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1140-1152.

References

[Abaideldinov, 1999](#) – *Abaideldinov, E.M.* (1999). Politiko-pravovaya istoriya Respubliki Kazakhstan [Political and legal history of the Republic of Kazakhstan]. Ch. 1: S drevneishikh vremen do 1917 goda. Almaty: In-t Daneker. 295 p. [in Russian]

[Abdrakhmanova, 1998](#) – *Abdrakhmanova, B.M.* (1998). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Astana: Elorda. 137 p. [in Russian]

[Abil, 2000](#) – *Abil, E.* (2000). Istoriya gosudarstva i prava Respubliki Kazakhstan s drevneishikh vremen do nachala XX veka [The history of the state and law of the Republic of Kazakhstan from ancient times to the beginning of the twentieth century]: kurs lektsii. Astana: Foliant. 188 p. [in Russian]

[Anisimova, 2018](#) – *Anisimova, A.I.* (2018). Problema reformirovaniya traditsionnoy sudebno-pravovoy sistemy Turkestana i stepnykh oblastey v kontse XIX – nachale XX v. [The problem of reforming the traditional judicial and legal system of Turkestan and the steppe regions in the late 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 428: 44-53. [in Russian]

[Bykov, 2005](#) – *Bykov, A.Yu.* (2005). Rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v stepnykh oblastyakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva: 1731–1917 gg. [Russian government policy in the steppe regions and the transformation of traditional Kazakh society: 1731-1917]: dis. ... d-ra ist. nauk. SPb. 484 p. [in Russian]

[Ermenbaeva et al., 2017](#) – *Ermenbaeva, G.K., Balgabayeva, G.Z., Isenov, O.I., Nauryzbayeva, E.K.* (2017). Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department). *Bylye Gody*. 44(2): 460-467.

[Izbasarova, 2016](#) – *Izbasarovam G.B.* (2016). Kochevaya mental'naya karta prostranstva. Transformatsiya ponyatiya granitsy v predstavleniyakh kazakhov v XIX v. [A nomadic mental map of space. The transformation of the concept of borders in the ideas of Kazakhs in the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 6: 98-107. [in Russian]

[Kasymbaev, 2003](#) – *Kasymbaev, A.Zh.* (2003). Administrativno-politicheskie i zakonodatel'nye novovvedeniya Rossii v Mladshem zhuze 20–40 gg. XIX veka i ikh kolonial'naya sushchnost' [Administrative, political and legislative innovations of Russia in the Little horde of the 1820–1840s and their colonial essence]: avtoref. kand. ist. nauk. Almaty. 28 p. [in Russian]

[Kraft, 1898](#) – *Kraft, I.I.* (1898). Sudebnaya chast' v Turkestanskom krae i stepnykh oblastyakh [The judicial part in the Turkestan region and steppe regions]. Orenburg: Tipolitografiya P.N. Zhurina. 214 p. [in Russian]

[Kultelev, 1955](#) – *Kultelev, T.M.* (1955). Ugolovnoe obychnoye pravo (s momenta prisoyedineniya Kazakhstana k Rossii do ustanovleniya Sovetskoy vlasti) [Customary criminal law (from the moment of Kazakhstan's annexation to Russia until the establishment of Soviet power)]. Alma-Ata: AN KazSSR. 302 p. [in Russian]

[Kussainov et al., 2025](#) – *Kussainov, D.Zh., Kaskabassova, A.A., Zhakibayeva, G.B.* (2025). An Archival-Historical Analysis of the Siberian Committee's Documents on the Implementation of Administrative-Territorial Reforms in Kazakh Steppe during the 19th century. *Bylye Gody*. 20(4): 1778-1790.

[Lobyshevich, 1891](#) – *Lobyshevich, F.I.* (1891). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. M.: Tipografiya I.N. Kushnerev i K. 41 p. [in Russian]

[Mazhitova, 2016](#) – *Mazhitova, Zh.S.* (2016). Institut biev v rossiyskoy i kazakhstanskoy istoriografii: komparativnyy analiz (XVIII – nachalo XXI vv.) [The institute of biys in Russian and Kazakh historiography:

a comparative analysis (XVIII – early XXI centuries): dis. ... d-ra ist. nauk. M.: MGU im. M.V. Lomonosova. 553 p. [in Russian]

[Otepova, 2015b](#) – *Otepova, G.E.* (2015). Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana (XIX vek) [Legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan (XIX century)]: Sb. dokumentov. Chast' 3 (1886–1899 gg.). Pavlodar: PGPI. 284 p. [in Russian]

[Otepova, 2015a](#) – *Otepova, G.E.* (2015). Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana (XIX vek) [Legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan (XIX century)]: Sb. dokumentov. Chast' 1 (1800–1859 gg.). Pavlodar: PGPI. 343 p. [in Russian]

[Pochekaev, 2025](#) – *Pochekaev, R.Yu.* (2025). Traditsionnyy kazakhskiy sud na stranitsakh russkoy pressy kontsa XIX – nachala XX v. [The traditional Kazakh court on the pages of the Russian press of the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Yuridicheskie nauki.* 29(1): 103-116. [in Russian]

[PSZ RI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire].

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Sartori, Shabley, 2019](#) – *Sartori, P., Shabley, P.* (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znanii v Kazakhskoy stepi [Empire's experiments: adat, shariat, and knowledge production in the Kazakh steppe]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 280 p. Seriya «Historia Rossica». [in Russian]

[Smagulov, Alimbay, 2020](#) – *Smagulov, B.K., Alimbay, N.A.* (2020). Adaptatsiya traditsionnogo prava kazakhov v usloviyakh kolonial'noy administratsii (po materialam Orenburgskogo vedomstva) [Adaptation of the traditional Kazakh law in the conditions of the colonial administration (based on the materials of the Orenburg Department)]. Almaty. 193 p. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Umarov et al., 2022](#) – *Umarov, A.A., Abdrakhmanov, B.N., Karimova, A.E., Otepova, G.E.* (2022). The Situation of the Kazakhs after the Entry of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody.* 17(3): 1093-1101.

[Zhakibayeva et al., 2022](#) – *Zhakibayeva, G.B., Otepova, G.E., Kontev, A.V., Sadykova, A.M.* (2022). Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire. *Bylye Gody.* 17(3): 1140-1152.

[Zhirenchin, 1996](#) – *Zhirenchin, K.A.* (1996). Politicheskoe razvitiye Kazakhstana v XIX – nachale XX v. [Political development of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. Almaty: Zheti Zhargy. 352 p. [in Russian]

[Zimanov, 2009](#) – *Zimanov, S.* (2009). Kazakhskii sud biev – obshchekul'turologicheskaya tsennost' [Kazakh Court of Biyeu – general cultural value]. Almaty. 408 p. [in Russian]

Трансформация судебной системы Казахской степи в контексте имперской политики Российской империи XIX века

Гульфира Е. Отепова ^a, Анара Е. Каримова ^{a, *}, Гульдана Б. Жакибаева ^b, Гулсим А. Бисенова ^c

^a Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Республика Казахстан

^b Казахский национальный университет спорта, Астана, Республика Казахстан

^c РГУ «Национальный центр рукописей и редких книг», Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются преобразования традиционного обычного права, существовавшего в Казахской степи на протяжении веков, которые происходили под воздействием нормативно-правовых актов империи в XIX веке.

Целью данной статьи является выявление механизмов и основных направлений трансформации судебной системы Казахской степи в контексте имперской политики Российской империи, выяснение особенностей казахстанской судебной системы к концу XIX века. Для выполнения данной цели был проведен сравнительный анализ норм традиционного права с нормами российского законодательства, принимавшихся государственными органами Российской империи в отношении ключевых сфер общественной жизни степного общества.

Источниковую базу исследования составили законы Российской империи, архивные материалы РГИА (г. Санкт-Петербург) и ЦГА РК (г. Алматы), содержащие развернутую фиксацию норм казахского обычного права и вводимого российского законодательства.

В процессе исследования авторами были проанализированы законодательные акты, документы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ake073@mail.ru (А.Е. Каримова), g.oteпова.hist@mail.ru (Г.Е. Отепова), zhakibayeva.guldana@gmail.com (Г.Б. Жакибаева), bisenova.1966@inbox.ru (Г.А. Бисенова)

нормативно-правового характера (уставы, положения), материалы делопроизводства, которые позволили выявить основные отличия между нормами казахского права и введенными российскими законами. Итогом проведенной работы явилась сводная таблица, в которой показан переход от коллективной ответственности к индивидуальной, все словесные и письменные жалобы записывались в протокол, а протоколы фиксировались в докладном журнале. Принятые судебные решения регистрировались в канцеляриях и окружных судах, образуя официальный архив. Постепенно происходил переход от автономии родового контроля к централизованному надзору. Через механизм апелляции несогласные с решением суда биев в письменном виде могли обратиться к областному начальству, после чего судебные дела затем передавались в окружные суды.

Авторами сделан вывод о том, что трансформация казахского права в рассматриваемый период представляла собой постепенный и противоречивый процесс, направленный на включение степных территорий в общеимперское правовое пространство без полного отказа от местных правовых традиций.

Ключевые слова: судебные реформы, Средний жуз, Младший жуз, адат, устав, Сибирский комитет.